

Марина С. Серова
Дело дрянь
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167198
Пусть проигравший плачет. Дело дрянь: Эксмо-Пресс; М.: 2002
ISBN 5-04-008764-0*

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Дело дрянь

Пролог

Хозяйка-ночь мириадами крохотных огоньков-звезд раскинулась над темно-коричневыми угрюмыми холмами. Казалось, ни один лучик света не способен пробиться сквозь ее властную, бархатную темноту – и все же пришел миг, когда иссиня-черный плащ Хозяйки скомкал и разметал неестественный, крикливо-яркий свет автомобильных фар.

Машина появилась в проеме меж двух лысых холмов, затем, неравномерно всхрапывая мотором и елозя колесами по глине, выехала к подножию одного из них и остановилась, выхватив светом фар кусок окружающего пространства, что давало возможность кое-что рассмотреть.

Высокая, сухощавая женщина с властным выражением все еще красивого лица, выражающего привычку командовать и управлять, одетая в темно-коричневую, отороченную мехом дубленку, выпрыгнула из джипа на землю и подняла голову к небу. Сорвав с головы шапку, позволила обжигающе-ледяному ветру растрепать свои коротко стриженные каштановые пряди, хранящие следы былой роскоши, расшитые едва взблескивающим в свете фар серебром – свидетельством прожитых лет и неотвратимого старения.

Она стояла, словно снежная королева, величаво возвышаясь над щуплыми северными деревцами и запорошенной первым снегом, покрытой инеем жухлой травой, – стояла и рассматривала холмы – коричневые, в черных подпалинах, заметаемых снежно-серебристыми волнами.

– Что за ветер! – неожиданно воскликнула она. – В нем что-то есть, ты чувствуешь?!

Ветер взвыл пронзительно и восторженно, словно щенок, приветствующий своего хозяина, и припал к земле у ее ног. Женщина едва заметно усмехнулась. Водительница машины дернула плечом, не собираясь, как видно, вылезать в собачий холод из щедро нагнетаемого кондиционером тепла.

Властная между тем, оставив минутное восхищение природой, кивнула собственным мыслям, поплотнее запахнулась в тепло дубленой кожи и улыбнулась вновь.

– Представь, какая здесь будет красота во время праздника... – негромким, глубоким и решительным голосом произнесла она, не оборачиваясь.

Ее спутница с резким скуластым лицом, словно бы вырубленным из камня, сидевшая за рулем, ничего не ответила, просто пожала плечами, затем, поняв, что стоящая ожидает ответа, молча кивнула. Чуть шевельнулась при этом движении ее короткая черная коса.

– Ты уже позаботилась о номерах и приглашениях? – вновь спросила Властная, словно почувствовав кивок и считая его положительным ответом.

– Да.

– Все подтвердили участие?

– Да... Только из Тарасова ответ еще не пришел.

– А-а, Ведьма тамошняя... – Властная на несколько мгновений задумалась, потом пожала плечами, спрятала волосы под капюшон. – Ну что ж, сегодня двадцать восьмое. Время у нее пока есть. К тому же она особа довольно опасная. И в отличие от большинства не фокусами занимается, а делом... Может, оно и к лучшему, если не приедет. Частный детектив с обширной практикой; может почувствовать что-то, догадаться раньше срока... нам это ни к чему.

– На подставу идеально подошла бы, – кратко возразила та, что с косой.

– Может, еще приедет, – ответила Властная. – Значит, при полном наборе нас будет восемнадцать?

– Восемнадцать.

– Как и уговаривались, – удовлетворенно заметила хозяйка, кивнув и пряча зябнувшие руки в глубокие карманы дубленки. – Традиции надо блюсти. – Ее собеседница опять промолчала.

– Отлично, – подводя итог, продолжала Властная, – актриса поработала на славу, груз уже в пути; все остальное – дело Алекса. – Она улыбнулась сухо и насмешливо. – Считаю, мы с тобой уже почти пляжимся на далеких и теплых Гавайях, на горячем песочке и в синих морских волнах... Если, конечно, не сохранимся, как мамонты, где-нибудь в местной вечной мерзлоте.

Скуластая фыркнула:

– Вот именно.

– Ну и что? – насмешливо спросила Властная, впервые поворачиваясь к собеседнице. – Риск есть везде и всегда, если только не занимаешься тем, что ничего не делаешь!.. А надеяться надо на лучшее. В конце концов, мы ведь тоже лучшие. Каждая в своей области. И вполне заслужили хорошей оплаты за труд... Все, хватит болтать! – Она резким движением опустила голову и надела головной убор. – Поехали.

Женщина села в машину. Скуластая форсировала двигатель. Мерный приглушенный рев вновь прорезал ночную тишину, мотор по-медвежьи рывкнул, джип несколько раз дернулся, бросая пассажиров из стороны в сторону, и тронулся в путь.

Властная чертыхнулась и бросила, словно прощаясь со здешними холмами и нависшей над ними тоскливой, уже почти полной луной:

– Скоро, уже скоро в это запустение придет нормальная жизнь. Боже, как ненавижу я Север!..

Ветер подхватил злую фразу, унося ее прочь – в ночную темь и тишь, где притаились молчаливые вкрадчивые тени, – и жалобно заскулил, будто отброшенный ударом ноги щенок, обиженный хозяином безо всякой причины.

Глава 1

Пожалуйста к нам на шабаш!

Что-то мохнатое с жадным урчанием вцепилось в мои пальцы, едва я высунула ногу из-под одеяла. Ну ясно – мы хотим играть или кушать, а скорее и то, и другое одновременно. Ну и морока все-таки – держать домашних животных... хотя кошек я люблю. Недаром Ведьма.

– Сейчас, чудовище! – Я сонно втянула ногу под одеяло, но пушистый котенок, попавший мне на улице под проливным дождем, которого по доброте душевной я пригрела у себя дома несколько дней назад на неопределенный срок, заполз и туда.

Я поняла, что избавиться от назойливых острых коготков не удастся. У котенка обнаружилось несколько ужасных привычек, одной из которых, но не самой отвратительной, была манера бросаться на ноги, цепляясь за джинсы своими орудиями убийства. Впрочем, моим джинсам еще повезло, они по крайней мере еще не пахли, как пол у входной двери...

– Встаю, встаю! – Я с неохотой покинула свое уютное гнездышко под одеялом и пошла умываться и прибирать ночные «подарки» своего четвероногого чудища, радостно путавшегося под ногами и громким мяуканьем требовавшего своей ежеутренней пищи.

Кстати, насчет пищи – это неплохая мысль! После косметической уборки, когда я уже в который раз пригрозила выставить Заморыша – так назвала я свое чудо за мелкоту, худобу и противный голос – за дверь, мы отправились на кухню. Я налила котенку молока, а сама поставила разогревать вчерашние деликатесы, остатки роскошного ужина, посвященного окончанию очередного дела, напрямую связанного, между прочим, с животными, с редчайшей кошкой Матильдой, которую похитили вместе с пятисотлетней родословной и хотели перепродать одному арабскому шейху, готовому выложить за нее ни много ни мало – ровно четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Это при том, что котенком куплена она была за «каких-то» пятнадцать на всемирном конкурсе в Баварии, где победу одержали ее мохнатые мамаша с папашей.

С кошкой этой мне пришлось общаться довольно тесно, вместе переживать тяжести и треволения, выпадающие на долю тех, кому посчастливилось попасть в самое пекло довольно кровавых интриг и разборок рабовладельческого государства, – и, скажу я вам, существо, стоящее на рынке рабов в сто сорок раз дороже, чем я, из-за которого были убиты почти два десятка человек и я едва не рассталась с жизнью, – так вот это существо было всего – навсего обычной кошкой, которая и мяукала, и есть просила точно так же, как мой нынешний Заморыш.

Честно говоря, терпеть не могу готовить, особенно рано утром, но ведь приходится, поэтому у меня есть уже приличный опыт в таких делах – то есть кофе-молку от соковыжималки отличаю легко.

Взявшись за дело, я быстро управилась с кормлением детеныша и с удовольствием принялась обслуживать саму себя.

Настроение в то утро было отличное, не то из-за того, что на ближайшие дни дел никаких не намечалось, не то из-за приятного сна, сулившего, если верить дешевым сонникам, богатство и новые знакомства, да еще и друзей, а может, и из-за того, что быстро насытившийся Заморыш начал приятно мурлыкать и тереться о мои ноги.

Надо же – всю тарелку вылакал, а на вид такой маленький. Что там говорят в известной рекламе о размерах желудка котенка? Чувствуется, что эти ребята не были знакомы с моим питомцем!

– Иди сюда, Заморышек мой, – я взяла котенка на руки. Мое рыжее чудо заурчало еще громче и от избытка чувств выпустило коготки. Я несколько раз провела рукой по

его шерстке, уже начинавшей лосниться от нормального питания и почти барских условий жизни. Заморыш поймал мой палец и начал его грызть, старательно лягаясь задними лапками.

Уж что-что, а играть он любил и предавался этому занятию особенно страстно, урча и шипя, как сломанный бронетранспортер. Слушая его громогласные оды, трудно было поверить, что это всего-навсего маленький комочек шерсти...

И тут идиллию раннего утра нарушил трезвон у входной двери.

– Кого там еще несет в такой час? – Я стряхнула котенка на пол, чему он, понятно, совсем был не рад, и пошла открывать.

В глазке маячила грузная фигура тети Глаши, нашей почтальонши. Я удивленно хмыкнула и отворила дверь.

– Здравствуйте, тетя Глаша!

– Здравствуйте, Танечка, вам ценная заказная бандероль пришла. Вот, распишитесь. – Она порылась во внутреннем кармане старого, потрепанного полушубка, извлекая на свет сложенную вчетверо квитанцию и замусоленную ведомость.

Я поставила там, куда она тыкала толстым коротким пальцем, привычную закорючку и приняла из ее рук квиток. Тетя Глаша попрощалась и, шаркая стесанными каблуками старых сапог, пошла раскладывать по ящикам почту.

Я закрыла дверь и с любопытством посмотрела на квитанцию. Ценная заказная бандероль, отправитель – некто из города Северогорска. ФИО и обратный адрес заботливо не указаны.

Что за черт?.. Вроде никаких знакомых у меня в этом городе нет.

– Что скажешь, Заморыш? – спросила я, вновь беря котенка на руки и продолжая туповато разглядывать почтовую квитанцию.

Заморыш ограничился коротким «Мяу!», давая понять, что тоже ничего не понимает, и продолжая деловито сгрызать мой палец.

Я посмотрела на часы. Девять часов пятнадцать минут. Почта уже открыта. Любопытно, что там за ценная заказная?..

Одевшись потеплее – как-никак конец октября на дворе, минус пять обещали по радио, – и наказав Заморышу сидеть тихо и не драть обои, а также не пытаться найти мою глубоко запрятанную после вчерашнего разгрома косметику, я отправилась на почту.

Очередь в столь ранний час наблюдалась только у окошка, где ждали своей злощастной пенсии несчастные старушки. Я подошла к нужному мне окошечку, за которым сонная девушка лет двадцати пяти красила губы. Закончив сие занятие, она наконец-то соизволила обратить на меня внимание. Я молча подала ей заполненный бланк и паспорт. Девушка несколько минут изучала их, затем вернула мне документ и отправилась в соседнее помещение. Оттуда сразу же послышался щебет, очевидно, сотрудницы обсуждали какие-то свои дела. Минут через пять, вспомнив о моем существовании, а заодно скопив за моей спиной очередь человека в три, она вернулась с маленьким свертком, упакованным, кроме обычной ткани, еще и тройным слоем толстого полиэтилена. Я забрала бандероль и еще раз глянула на адрес, выведенный на ней твердым крупным почерком.

Нет сомнений, с адресатом никто ничего не напутал. Черным по белому (точнее, фиолетовым по коричневому) выведены мои имя, фамилия и координаты. Обратного адреса, а также сведений о пославшем не было и здесь.

Откуда автор бандероли знает мой адрес? Кто такой? Может, я его уже знаю? Но откуда? В Северогорске никогда не бывала, даже не знаю, что это за город. Ладно, сейчас придем домой, разберемся. Неожиданных посылок, писем, звонков с угрозами и предложениями в моей практике было очень и очень немало. Даже ящик с десятью граммами тротила, взрыватель которого активировался при открывании...

Я протолкалась к выходу и окунулась в туманное и промозглое октябрьское утро.

Любопытство – не самая лучшая черта, это я поняла по пути домой: меня так и подмывало потрясти сверток, как-нибудь разодрать упаковку и наконец-то узнать, что скрывается внутри моей бандероли. Ладно, Ведьма, успокойся, никуда посылка твоя не денется, а содержимое ее не изменится за пятнадцать минут. И все же я невольно ускоряла шаг. Вот и home, sweet home...

Но заняться бандеролью сразу же мне не пришлось – и если бы я знала, ЧЕМ МНЕ ПРИДЕТСЯ ЗА ЭТО ПОПЛАТИТЬСЯ!..

Сначала Заморыш преподнес новый сюрприз: перевернутое мусорное ведро и разметанное по всей кухне его содержимое. Вот мерзкое животное! Пришлось убирать, а затем учить невоспитанную малоблагодарную тварюшку правилам поведения в приличном доме; потом позвонила одна из моих старых клиенток, ставшая неплохой подругой, и промуржила меня минут двадцать у телефона, болтая о всяких пустяках; и, наконец, пришла соседка, сообщившая, что ко мне кто-то заходил, подождал минут пять, а затем позвонил к ней в дверь и, попросив передать, что заходил, обещал появиться попозже.

– Такой мужчина средних лет, интеллигентного вида, в очках и длинном пальто. Симпатичный вроде... – описала она, видимо, заинтересованная этим посетителем. – Я сказала, что вы, скорее всего, скоро уже придете. – Она состроила умное лицо. – Ну вы же пешком пошли и даже сумки с собой не взяли.

В общем-то, соседи не знали, чем точно я занимаюсь, хотя теории какие-то на сей счет, очевидно, строили. И даже учились умению наблюдать и делать логические выводы.

– Да ну его, – подумав о том, как бы поскорее с ней распрощаться, ответила я, – хорошо, что не застал. Я так устала от работы, тетя Люда, у меня выходной, который я намерена провести, сидя перед телевизором.

Я старательно напирала, стараясь поскорее спровадить гостью, чтобы открыть наконец бандероль, однако соседка уходить отнюдь не спешила, со всей своей простодушностью напрашиваясь на чай. Пришлось сделать решительную попытку:

– Вы извините, Людмила Яковлевна, мне сейчас надо идти, может, вечером зайдете?

– Ну конечно, Танечка! – Она так и расплылась в улыбке, хотя прекрасно понимала, что вечером меня, скорее всего, дома не будет. – Я, кстати, пирог испекла, вот мы с вами чаю и попьем! – Соседи мои, кстати, практически все ко мне хорошо относились, хотя и подозревали, наверное, во многих грехах; я в их глазах была весьма деловой и занятой дамой, которая все время занимается какими-то денежными делами, что, впрочем, так и было.

– Просто замечательно! – Я наконец-то ласково вытолкнула соседку за дверь, однако вслед за ней на лестницу выскочил Заморыш.

– Ку-уда! – ахнула я и устремилась ловить рыжий комочек, наострившийся выкачаться во двор.

– Ой, это ваш? – сразу же среагировала моя гостья. – Просто очаровательный! А я и не знала, что у вас есть кошка! Подождите-ка, сейчас мы его побалуем!

Пока я извлекала Заморыша из-под лестницы, куда он забился, Людмила Яковлевна успела сходить домой и принести несколько мелких рыбешек.

– Ну что вы! – попыталась было отказаться я, уже начиная уставать от ее навязчивой услужливости.

– Берите, берите! Ему полезно, вон он какой у вас тощий. – Она все-таки впихнула мне в руки пакет. – Это зять мой с рыбалки принес.

– Спасибо, Людмила Яковлевна, до свидания!

– Да не за что. Ну так мы с вами договорились! – Она наконец-то скрылась за своей дверью, а я – за своей.

Итак, телефон молчит, в дверь никто не ломится, Заморыш водворен на место и примерно урчит над неожиданно перепавшим угощением... Пора взяться и за посылку!

Я вскрыла упаковку и извлекла из нее еще один пакет из плотного и мутного заводского целлофана, в котором обнаружились четыре тонкие восковые свечи наподобие церковных, ароматические палочки, судя по запаху – сандал, опиум и розмарин, мешочек с какими-то травами, а также старый, потемневший от времени свиток. Да-да! Именно свиток на пожелтевшем пергаменте. Хотя нет, судя по плотной и слишком ровной текстуре, все-таки бумага, хотя и явно старая от времени.

Недоумевая по поводу столь странного содержимого бандероли, я развернула послание. Черная вязь букв, явно имитирующих готическое начертание, внизу какая-то эмблема, одним из элементов которой является даоссистская монада... С трудом разбирая витиеватый почерк, я прочитала:

*«Уважаемая Татьяна ***** (отчество) Иванова!*

Имеем честь пригласить Вас на симпозиум ведьм и экстрасенсов Союза Независимых Государств, проходящий в ночь 31 октября в городе Северогорске. Мы организовали его, помня о бренности быстротекущих дней. Целью симпозиума является обмен опытом среди лучших в своих сферах специалистов, а также дипломатический прием высокопоставленного специалиста из США, установление творческих контактов, закрепление и развитие связей доселе разрозненных представителей древнейшей из профессий человечества. Союз Экстрасенсов, Колдунов и Медиумов России предоставляет прибывшим все условия для проживания и проведения досуга в гостинице „Заполярной“. Заезд 30 октября с утра. В случае согласия подтвердите телеграммой Ваше прибытие для регистрации. Если имеется тема для выступления или доклада, просим указать тематику, название и продолжительность сообщения. Ждем Вас! С уважением, оргкомитет симпозиума».

Ничего себе! Ну и номер!.. Я положила пергамент на диван рядом с собой и от души рассмеялась. Надо же, слет ведьм! Лучше бы написали «шабаш»... И проходить он небось будет на Лысой горе. Может, еще и нагишом у костра плясать надо? Несмотря на привлекательность самой, так сказать, голой идеи, что-то мне не хочется. Больно уж холодно нынче за Полярным кругом. А американский специалист? Это кто, Дэвид Копперфильд, что ли?..

Кто же из моих друзей настроил это послание? Кого благодарить за шутку? Никого хоть мало-мальски знакомого в Северогорске у меня вроде нет... Ну точно, никого... Стоп, а при чем тут Северогорск? Может, такого города вовсе и нет на карте?

Я встала, свалив на пол вскрытый пакет, из которого тут же выпал белый прямоугольник визитки. Подняв и осмотрев ее, я с удивлением оценила качество печати, познакомилась с адресом оргкомитета и его председателя, некоей Янны Алферовны Кертц (ничего себе, сочетание...).

Итак, Северогорск, кажется, действительно был, однако ничего достоверного в плане истинности приглашения это не гарантировало. Таких вот союзов, клубов, лиг и лож, включая масонскую, в необъятной матушке-России было, наверное, очень и очень много, а в том, что кто-то отыскал визитку одной из них и решил приколоться над Таней Ивановой, то есть, попросту говоря, над Ведьмой, ничего необычного не было.

Тем более текст какой-то придурковатый. Прямо детский лепет! Представители «древнейшей из профессий человечества», надо же... Да еще и от руки написано – может, у них там закуплена специальная машина для искусственного состаривания новой бумаги в ветхую? При этой мысли я невольно улыбнулась.

Нет, все-таки нужно лезть в атлас и смотреть, что такое Северогорск. Может, придут какие-нибудь новые мысли.

Ну-ка...

Я порылась в атласе. Да нет, город такой все-таки есть – вот он, Северогорск, совсем рядом с Норильском притулился. Может, это Мишка? Был у меня такой приятель-геолог, охочий до розыгрышей. Да нет, Мишка сейчас где-то на Урале... И почерк не его, у Мишки все буквы вкривь и вкось, мелкие, так что и под микроскопом не разглядеть, а здесь – крупные, и строчки не прыгают. Судя по почерку, кстати, писала женщина, причем натура властная и очень эгоцентричная. А может, Лена? Она, кажется, на почте работает, ей ничего не стоит проверить такую штуку...

Да нет, Ленка с самой школы была занудой без воображения, от нее и анекдота-то не добьешься, не то что такого послания...

Была в моей недавней практике одна шутка. Новые русские предприниматели, все суперкрутые такие, решили отметить открытие нового поволжского бизнес-центра по-крупному. То есть пошиковать всерьез.

Сняв на время новообразованных праздников (областной «День развития экономики») теплоход «Максим Горький», пригласили меня и разыграли, что на корабле есть маньяк-убийца... Кончился этот розыгрыш весьма и весьма прискорбно. Лично я еле выжила, чего не скажешь о доброй половине приколистов. Поэтому теперь ко всевозможным розыгрышам я относилась с серьезной долей недоверия.

Впрочем, кто бы это ни был, а за палочки для воскурений и свечи спасибо. Даже если имеет место весьма, надо сказать, классная шутка, они пригодятся. И травы, скорее всего тоже для курений, выкидывать не стану.

– Ладно, Заморыш, иди сюда. – Отложив в сторону пергамент, я взяла на руки гордо вошедшего в комнату котенка. – Забудем о бренности наших дней. Будем смотреть телевизор и наслаждаться жизнью. Эй, что с тобой?

Мой пушистый комочек вместо того, чтобы свернуться на руках калачиком и спеть песенку, благодаря за рыбу, вдруг выгнул спину и зашипел, словно увидел собаку, а затем вцепился в мои колени так, что я невольно вскрикнула и сбросила его на пол!

– Заморыш! Ты что?.. Да что такое? Кис-кис... успокойся, это же я!..

Рыжий пушистый комок не слушал, медленно отступая к двери. Шерсть его встала дыбом, уши прижаты, шипение перешло в утробное урчание, похожее на то, что издают неисправные трубы.

Вид и взгляд у него был такой, словно он видит нечто, что до ужаса НЕНАВИДИТ, с чем способен сцепиться и что станет рвать когтями до полного уничтожения... Я никогда не видела, чтобы представитель рода кошачьих так себя вел.

Неужели что-то почувал? Кошки очень чувствительны к любым аномалиям и нарушениям как энергетического, так и ментального поля... Но откуда в моей квартире взяться аномалии? Я регулярно проверяю ее, особенно после дел, в ходе которых приходится проливать чужую кровь, тащу в дом все, что может помочь улучшить настроение, «почистить карму», как это говорится в дешевых книжках про биоэнергетику...

Что за дребедень?..

И только тут до меня дошло, что сжавшийся и напряженный, как пружина, Заморыш урчит, не смолкая, на присланный свиток с приглашением.

По коже моей прошла холодная волна мурашек.

Я взяла в руки пергамент и еще раз внимательно его рассмотрела. Вроде ничего особенного. Хотя постойте! Господи, как я раньше не разглядела?! Что это там поблескивает на обратной стороне, словно тонкий слой лака? Я пригляделась повнимательнее.

Такое ощущение, что это действительно тонкая пленка, засыхающая прямо сейчас, на ходу... а под ней белесые знаки, которых не разобрать. Как же их проявить?

Что-то во мне подсказывало: скорее! Скорее, иначе ты не успеешь, Ведьма! Сердце колотилось, словно со мной происходило что-то страшное; непонятно почему, но Заморыш заткнулся, разинув глаза и рассматривая меня со странной смесью опасливости и недоверия.

Я между тем лихорадочно искала выход. Пленка, кажется, довольно быстро засыхала под воздействием воздуха.

Взгляд мой упал на содержимое прилагавшегося пакета, и тут же в голову ослепительно нагрянула спасительная мысль.

А почему бы и нет? Ведь проступают же буквы, написанные молоком при прогревании бумаги! Дедушка Ленин писал молочными чернилами, так почему бы и нет?..

Отстранив с дороги Заморыша, я помчалась с пакетом и пергаментом к себе в спальню. Достала фарфоровую чашечку, высыпала в нее травы, пристроила рядом палочки и свечи – кто знает, какая из этих вещей может помочь? Пару раз чиркнула спичкой и, дав курениям разгореться, поднесла пергамент к тонкой струйке дыма. По комнате начал распространяться терпкий запах розового масла, утонченный аромат сандала, пьянящий – опиума и еще какой-то резкий, но приятный, определить который мне не удалось, что было, в общем-то, слегка удивительно: я в таких вещах разбиралась изрядно.

От ароматов этих, которые я вдыхала, стоя над самой чашечкой, начала кружиться голова. Все поплыло перед глазами. Я помотала головой и отодвинулась от дыма подальше, держа пергамент на вытянутых руках, однако это не слишком помогло: голова продолжала кружиться, хоть в глазах больше и не темнело.

Может, открыть форточку? Нет, сначала понаблюдаем за пергаментом! Мало, что ли, ты, Ведьма, дымила в своей комнате всякими благовониями?! Потерпишь. Однако любопытная смесь! Узнать бы, что именно туда намешано... А как там у нас тем временем пергамент? Я снова сконцентрировала внимание (готовое ускользнуть в любую щелку, словно я выпила довольно много и чего-то весьма крепкого) на этом странном и теперь уже сильно интригующем свитке.

Некоторое время все оставалось по-прежнему. Я испытала разочарование и совсем уж готова была погасить курения, но тут буквы под пленкой начали быстро и завораживающе проявляться!

Подержав надпись над дымом еще пару минут, я загасила свой экзотический проявитель и склонилась над пергаментом.

Надпись была по-прежнему довольно нечеткой, но прочесть уже можно. Сразу бросилось в глаза несоответствие почерков: эту приписку делал совсем другой человек! И самое главное, моя задержка со временем обернулась теперь очень неприятным событием: в самом низу пленка затвердела настолько, что дым трав не смог проникнуть сквозь нее и я не смогла прочитать, что там написано.

Если бы я тогда знала, чем это обернется!.. Но чу! – скорее читать то, что можно прочесть, – потому что даже эти проявленные буковки начинают медленно бледнеть и таять.

Кто-то – судя по почерку, очень спеша, – вывел на обратной стороне приглашения на шабаш следующее:

«Берегись! Возьми оружие, снаряжись по полной форме! Тебе грозит опасность! Не доверяй Даме, которая не...» – тут проявленная часть приписки обрывалась, и мне оставалось лишь досадливо пожать плечами, мысленно проклиная свою медлительность со вскрытием бандероли.

В общем и целом, происходящее все больше начинало казаться мне серьезным... Мысль о розыгрыше старых друзей стала забываться. Не было среди них таких, кто увлекался бы травами и знал их настолько, чтобы сотворить хоть что-то подобное буквально прочувствованному мной травяному коктейлю. Однако и верить любому такому предупреждению не стоит, по крайней мере без проверки. Ну-ка, Ведьма, где твои безотказные кости?

Я взяла старые, потемневшие от долгого использования предметы гадания, сосредоточилась на волновавшем меня вопросе, подержала кости в руке, перебирая в пальцах, и метнула на стол.

30+18+15.

«Осторожно, можете попасть в расставленную сеть».

Вот тебе и шутка... Заморыш молодец, уважаю; кажется, я начинаю верить в его полезность. Оправдал выпитое молоко и мелкие пакости.

Итак, Северогорск... В лицо мне подул ветер приключений, я на секунду ощутила себя безрассудной девчонкой, готовой очертя голову мчаться туда, где сплетаются романтика, опасность и неожиданное приключение. Что ж, дел никаких нет, с деньгами достаточно надолго все в порядке – так почему бы не позволить себе небольшие каникулы? Денька на три-четыре, тем более что симпозиум навряд ли продлится дольше.

Хотя если в приписке и броске костей есть реальный, неутрированный смысл, то есть если все это – не совпадение, значит, меня ждут-поджидают очередные неприятности.

Конечно, не впервой. Тем более спасибо за предупреждение.

Я взялась за телефон. Кассы аэропорта некоторое время мучили меня короткими гудками, но наконец усталый женский голос ответил:

– Справочная аэропорта слушает.

– Скажите, пожалуйста, сколько стоит билет до Северогорска?

– Минуточку... – В трубке повисло молчание. – Прямого рейса до Северогорска нет. Есть самолет до Норильска. Вылет сегодня в двадцать один тридцать, так же каждую среду и пятницу. Билет на сегодняшний рейс стоит семьсот семьдесят пять рублей.

– Спасибо. – Я повесила трубку. – Ну а с тобой, Заморыш, мы поступим так. Кажется, ты Людмиле Яковлевне понравился? Вот и погостишь у нее пару дней, у нее тебе будет и сытно, и весело: своих две кошки.

Я взяла котенка и отправилась к соседке, договариваться насчет пансиона. Однако у самой двери, едва я протянула руку к звонку, лохматое чудо, словно почуяв что-то, вцепилось в меня когтями изо всех сил и требовательно мяукнуло пару раз.

– Ну чего? – спросила я озадаченно, в то же время вслушиваясь в себя.

– Мяу... – жалобно сказал Заморыш. Я хмыкнула и, ухватив его поудобнее, отправилась обратно домой.

Чувства мои подсказывали, что котенка нелишне будет взять с собой. Вдруг там, на этом навороченном крутом шабаше, придется столкнуться с неясной опасностью? Я прекрасно знала, какова может быть сила различных там сглазов, приговоров и наговоров... Вот и поможет гений среди котов, высокочувствительная антенна по имени Заморыш... В крайнем случае серьезно помешать-то он не может!

Котенок осознал, что его приняли в команду частного детектива Тани Ивановой, и замурлыкал, устраиваясь на моем плече поудобнее.

Пристроив его на кровати, я принялась методично собираться в поездку, раскладывая на постели одежду, предметы туалета и детали своей экипировки, которую, кроме всяких там зубных щеток, косметики, одежды и прочего, что обычно берут в поездки, я решила взять с собой, согласно предупреждению на свитке.

Вот, к примеру, свечи, благовония и кассета с восточной музыкой для медитаций, пара талисманов, чисто для успокоения совести и нервов. Силы в них никакой, вопреки мнению непрофессионалов, но психологический комфорт создают; кристалл кварца на серебряной цепочке, ничуть не менее Заморыша чувствительный к биополям... при правильном использовании, конечно.

Куда как более прозаичный, но не менее полезный, если дело дойдет до рукопашной, нож, а также весьма редкая вещь: нечто вроде перстня Борджиа, сделанного для меня по

заказу, – тонкая кожаная перчатка со вшитой в нее почти микроскопической иглой, которая при прокалывании кожи впрыскивает капельку бесцветной и ничем не пахнущей жидкости с самым сильным парализующим ядом, который я смогла достать. Пожмешь кому руку вот в такой перчаточке, он постоит секунду или две, да и свалится, безо всяких признаков жизни. Конечно, прихватила свою большую, в ладонь длиной, иглу, в которой держала быстродействующее снотворное: уколешь человека – и можно даже не петь колыбельных.

Фонарь, и стоящий, и светящий, как прожектор (хотя при желании можно было заставить его тлеть подобно угольку или светить только в ультрафиолетовом режиме...), на минутку вылез из чехла, был осмотрен и снова залез в свою кожаную норку.

Я осмотрела даже принадлежности для скалолазания (было одно дело, очень напоминающее «Отель погибшего альпиниста», в котором пришлось полазать по обледеневшим скальным нагромождениям вдоволь, с тех пор и обзавелась), но решила их все-таки не брать. Везти тяжело, а если уж так понадобятся, всегда можно взять напрокат в любой нормальной туристической организации.

Проверила свой прекрасный и очень дорогой пистолет, стреляющий совсем негромко, компактный, незаметный; зарядила, взяла с собой еще три боекомплекта, один из которых был из шести холостых пуль. На всякий случай. А то иногда требуется проверять некоторых людей, делая вид, что доверяешь им, и вставляя в пистолет «новую» обойму. Обычно уверенные в победе придурки наводят его дулом на тебя, едва получают в руки, и тут же высказывают все свои мотивы, нехорошо при этом улыбаясь.

Правда, непосредственно затем очередь улыбаться переходит ко мне...

Я долго думала, стоит ли брать такие вещи, как длинная шелковая веревка, специальные стальные шипы-вибрамы на ботинки, чтобы лазать по всяким стенам-горам, маску-респиратор на случай, если подвергнусь газовой атаке (а что вы смеетесь, такое уже бывало), но затем все же положила все это в боковой сумочный карман – вдруг да сгодится.

Ну и, конечно, мои кости и карты Таро – куда ж без них, родимых?..

Ну что, Ведьма, сборы завершены. Можно ехать в аэропорт за билетами. Котенка в ту же самую пухлую сумочку размером с добрый чемодан и весом почти как он; сиди тихо, животное, не мяучь, – да он, кстати, смиренненько улегся там, высунув мордочку через оставленный незастегнутым разъем «молнии», и с любопытством поглядывал на все творящееся вокруг.

Я уже совсем было собралась уходить, но тут в дверь позвонили.

– Не-ет! Только не сейчас! – прошипела я, однако вопреки собственному нежеланию все же открыла дверь.

На пороге стоял давешний интеллигент в очках, длинном темно-сером пальто и с «дипломатом» в руках, искавший, по словам Людмилы Яковлевны, именно меня.

– Простите, это вы Татьяна Иванова? – нервно поправив очки, спросил он.

Ну вот, этого еще не хватало... Скорее всего, клиент. И отказываться от дела, если оно серьезное, нельзя. Плохо для репутации. Так что, скорее всего, плакали мои каникулы в Северогорске! Чертеночек в мальчишеских джинсах, прочно поселившийся в моей душе после принятия решения о неожиданной поездке, скис, скукожился, свернулся в трубочку, подобно старому пергаменту, покоившемуся на дне дорожной сумки, неохотно уступая место взрослой практичной Татьяне Ивановой с ее привычками и обязанностями.

– Да. Это я, – слегка натянуто улыбнулась. – Проходите!

Глава 2

Немного о богине Чэн

Мой гость устроился на диване в углу комнаты, а я – напротив, в кресле.

– Чем могу помочь?

– Моя фамилия Парфимов. Вячеслав Владимирович, – заметно волнуясь и чувствуя себя неуютно, начал он, то складывая руки на животе, то расплетая их и едва сдерживаясь, чтобы не начать активно жестикулировать, – я представляю... э-э-э... группу ценителей искусства. Дело, с которым я к вам пришел э – э-э... заключается в том, что позавчера из выставочного зала Тарасовского центрального музея имени Чернышевского была похищена одна, м-м-м... вещь. Очень... – Он мялся, кажется, при каждом удобном случае, наверняка считая, что это очень красит, а может, даже подчеркивает его интеллигентский стиль. – Очень... м-м-м... дорогая. Вернее, ценная. В том смысле, что она вообще не имеет никакой цены. – Тут он посмотрел на меня поверх очков близорукими и слегка растерянными глазами, видимо, желая удостовериться, что я правильно поняла смысл сказанного.

О готовящейся выставке китайского национального историко-краеведческого музея (у них это называлось как-то не так, но не суть важно) я, конечно, слышала. Мероприятие, судя по всему, готовилось весьма крутое: даже цена билетов – от двадцати пяти рублей – превосходила обычные цены музея раза в три.

И, как человек разумный, я сформулировала свой ответ подобающим образом.

– Очень редкое и раритетное произведение искусства, оценить которое сложно, потому что оно единственное в своем роде? – более утвердила, чем спросила я.

Он удивленно на меня уставился, поправил очки, неопределенно хмыкнул и как-то рассеянно кивнул.

– Вот именно, – сказал он, раскрывая свой «дипломат» и вытаскивая оттуда несколько больших цветных фотографий в лиловой папке-уголке. – Статуэтка богини Чэн, – менторским тоном продолжил он, сразу же выдавая в себе бывшего экскурсовода, теперь, судя по дорогой одежде и очень неплохим часам «Rollex», резко пошедшего наверх, – из привозной, – он сделал упор на этом слове, – китайской коллекции. Взгляните вот сюда, пожалуйста.

Я внимательно посмотрела, принимая из его рук фотографии. Слов нет, статуэтка была ничего себе: очень ровная, правильная в пропорциях и оттого удивительно красивая, что, кстати, более характерно для европейского искусства с его стремлением к приукрашиванию и правильности, а не для восточного с его вечно дляншимся преображением и недосказанной метафоричностью.

– Вечно юная женщина, обнимающая свой стан и скромно потупившая голову, носящая под сердцем растущее дитя, одновременно женщина и невинная дева, ноги которой оплетены стеблями озерной китайской лилии, символом юности и чистоты, а вода вокруг украшена расцветающими ее бутонами, – забыв, видимо, о цели своего прихода сюда, вдохновенно продолжал мой возможный наниматель. – Вот такой была изображена богиня Чэн неизвестным китайским мастером во времена правления второй династии Цин...

– Она пропала, да? – переспросила я, чтобы вывести его из состояния, близкого к самогипнозу.

– Да, – как-то сразу сгорбившись, утратив весь свой праздничный лоск и все свое обаяние, ответил молодой человек. – И вместе с ней – вся циновская часть коллекции, которая хранилась в одном термостенде... Но хуже всего то, что наша с китайцами совместная выставка должна открыться уже через пятнадцать дней, ну, максимум, через двадцать два –

больше тянуть мы не можем, – и дело пахнет международным скандалом. Как только китайская сторона о похищении узнает!..

– А что органы? – заинтересованно спросила Ведьма, которая всегда увлекалась логическими построениями и такой простой дыры в рассказе пропустить не могла.

Парфимов растерянно и беспомощно посмотрел на меня и ответил, разведя своими ни на мгновение не замирающими на одном месте, всегда слегка трясущимися руками:

– Мы не можем обратиться к правоохранительным органам. Вы ведь понимаете: шанс, что информация просочится, очень велик, им ведь за это приплачивают... А там журналисты, огласка... Такой скандал!.. – У него даже зрачки расширились на мгновение, отображая внутренние переживания. – Словом, мы хотели бы нанять вас для поиска пропавшей статуэтки. Оплата у нас будет очень шикарная, вполне приличные деньги, – уверил он, чем выдал свое мнение о чисто коммерческом настрое частного детектива, к которому обращался. – Триста за каждый из этих пяти дней, дополнительный аванс в пятьсот и, если вы найдете статуэтку, премия в десять тысяч. Это, конечно, в долларах...

Я мысленно перевела на российские «деревянные» по нынешнему, кризисному курсу и мысленно же сладко зажмурилась.

Однако тут же весьма удивилась, а удивившись, насторожилась.

– Откуда такие деньги? – тут же спросила я, желая с самого начала показать, что все делаю просто, прямо и говорить желаю начистоту. – У нищих музеев и даже Министерства культуры нет таких лишних денег, чтобы отдать их частному сыщику! Вас кто-то спонсирует?

Он несколько мгновений молча смотрел на меня, хлопая ресницами, будто двенадцатилетний мальчик из хорошей семьи, при котором ругнулись матом. А потом ответил, словно это и подразумевалось с самого начала, втолковывая мне, непонятливой:

– Так ведь что вы!.. Это же такое дело! Вы неужели не понимаете, что китайцы согласились на привоз коллекции, исключительно чтоб показать, что готовы ради заключения торгового соглашения с Поволжьем на все?.. А теперь такое! Это дело у областного начальства на прямом контроле!.. Наши-то все об этом знают – то есть все, кто имеет отношение к выставке и Министерству иностранных дел. Курируется прямо из Москвы. И, конечно, к делу будут подключены спецслужбы. Но мы, вернее, наш губернатор, решили, что раз мы виноваты, мы и должны исправлять... Вот меня к вам и послали. А деньги он из личного фонда выделяет... Кроме того, я не успел еще сказать, все расходы по покупке билетов и на проживание в гостиницах, плюс покупка действительно нужных в расследовании вещей – в разумных пределах, конечно, – вам также будут возмещены сразу после предъявления товарных чеков и списка!..

Ого! Вот это ничего себе! Дело о пропавшей статуэтке начало очень даже волновать меня. И совершенно не в связи с повышенным, по сравнению с обычным, гонораром, а потому, что к нему подключались такие крутые «верхи».

С губернатором я неплохо пообщалась некоторое время: когда он пришел на смену прежнему Батырову, севшему прочно и надолго сразу по шестнадцати обвинениям (не без моей горячей помощи), меня сразу же вызвали в здешний «овальный кабинет» и представили ему.

Мы поговорили немного о деле Батырова, о моей деятельности, он поздравил меня со столь успешной карьерой, пригласил в свою службу аналитиком-практиком (специально для меня должность придумали), с пониманием выслушал мой отказ и, пожав могучими плечами, пригласил отобедать, а потом не забывая (если какие-то срочные дела) докладывать. Обещал: будут пропускать вне очереди. Я обрадованно отвечала, что очень даже этим воспользуюсь, и пару раз действительно к этому прибегала, отсылая практически законченные

дела в прокуратуру по его каналу, с гарантией немедленного рассмотрения. Так что польза от этого была: и обществу, и мне.

А его пресс-служба с каждым праздником меня именной открыткой поздравляла и раз в квартал присылала «Тарасовский информационный лист».

Вот так мы с ним и общались. А теперь он, видимо, вспомнил про меня, осведомился о моих гонорарах и назначил цену даже несколько выше (а уж о финальном призе и говорить не стоит!), чем обычно. И послал ко мне этого Парфимова.

Что ж, интересно. И даже более того – весьма полезно. Теперь можно рассчитывать на некоторые привилегии в процессе выполнения задания. Например, всякие встречные менты по каждому поводу колебать не будут, если выпросить соответствующий документ. И то очень полезно...

Итак, быстренько обдумав все, я кивнула Славе Владимировичу с лицом человека, поновому оценившего все с ним происходящее.

– Должна предупредить, если возникают опасные для жизни ситуации, я увеличиваю сумму оплаты. К тому же иногда беру авансом больше, чем вы предлагаете, – на покупку необходимого оборудования, экипировки, оружия, на дорожные расходы...

– Это конечно, – легко согласился Парфимов. – Мы вам или деньгами дадим, или, если сделаете заказ, в ближайшее время доставим все, что вы просите. И покупать вам ничего не придется, если вы не намереваетесь себе потом ничего оставлять, хорошо?

Это действительно было хорошо, потому что такую заботу о детективе проявлял, дай бог, один из ста нанимателей. Я почувствовала, что быть знакомой губернатора даже лучше, чем это кажется на первый взгляд.

– Тогда, Слава, сразу запоминайте.

Он тут же вытащил из полураспахнутого «дипломата» блокнотик, раскрыл на чистом листке и приготовился писать. Определенно, этот исполнительный парень начинал мне нравиться.

– Мне будут нужны всего три вещи. Во-первых, средства связи. Если статуэтку уже продали или вывезли из Тарасова и если мне придется вдруг ехать по этому делу куда-то далеко, особенно за границу, я должна иметь возможность в любой момент связаться с кем-то, кто курирует это дело, хотя бы с вами. Это понятно?

– Понятно, – кивнул Парфимов, старательно ставя под номером один галочку. – Вы остальные перечислите, я вам потом на этот отвечу.

Интересно, раз галочка, значит, они уже об этом подумали... Может, уже есть информация, где статуэтка, и нужно только отправиться туда и забрать? Но почему тогда именно я, а не лейтенант Гусев, например?

Ладно, отложим подобные бесцельные размышления на далекое потом. Обратимся к замершему над блокнотиком Славе Парфимову.

– Во-вторых, и это обязательно, мне нужен какой-нибудь документ, какая-нибудь бумага, которая обеспечит отступную от ментов, если мне срочно надо будет убегать, догонять или просто я не захочу терять время на дачу показаний, их любимую игру в «вопросы-ответы» и прочий гнилой базар. Чтобы даже следователь какой-нибудь прокуратуры не приставал, пусть на мне хоть десяток прямых улик висит! – Я глянула на нерешительно задумавшегося Вячеслава и объяснила ему: – Это нужно для того, чтобы никто не мог меня задержать, вы же сами сказали, что время очень дорого!

– Да по сути, – он тронул переносицу карандашом, поправляя очки, – это верно. Только я не знаю, что это может быть за бумага такая... Ну ладно, это же не мое дело... А что в третьих?

– А в-третьих, чтобы, если я еду в какой-то город, на мое имя там поближе к центру было забронировано место в гостинице, а то мне уже приходилось пару раз на вокзалах ночевать. Больше не хочется.

– Это понятно, – кивнул Парфимов, усердно записывая мои пожелания. – Только вы заранее предупреджайте, если из одного города помчитесь в другой, не забываете. Тогда и мы не забудем... Значит, все?

– Пока все, – пожала плечами я. – Теперь озвучьте, пожалуйста, то, что вы хотели сказать в ответ на мой запрос про связь.

Парфимов кивнул и снова полез в свой «дипломат». Когда он вынул оттуда симпатичный маленький мобильник, лицо его даже слегка просияло от гордости.

– Вот, – сказал он. – Вот ваше средство связи. С прямой линией в нашу группу, даже номера набирать не надо, только вот на эту кнопку нажать...

– Слава! – с улыбкой возразила я. – Но сотовый телефон охватывает дай бог километров пятьдесят от ретрансляционной станции, а мне, вполне возможно, предстоит ехать в такие дальние края...

– Вы документацию почитайте, – как-то непохоже на самого себя, даже чуточку ехидно отозвался Парфимов, протягивая мне небольшой прямоугольный листок из плотной бумаги размером чуть больше средней визитной карточки.

Я начала читать и медленно, но верно бледнеть.

Конечно, в наш век супертехники, когда каждый может превратиться почти в Билла Гейтса, подключившись к Интернету, крутые техновинки особенно уже никого не удивляют. Однако мне приходилось работать с самыми разнообразными средствами связи... и ничего подобного этой чудо-машине я никогда не видела.

Наверное, эта миниатюрная черная коробочка с изящными закругленными линиями и полным отсутствием углов поддерживала постоянную связь с одним или несколькими ретрансляционными спутниками, вращающимися по околоземной орбите вокруг матушки-Земли, потому что других способов удержать чистую, безо всяких помех, «направленную на абонента» аудиосвязь, да еще и «практически в любой точке индо-европейского континента» (то есть нашей маленькой Евразии – кажется, более чем половине всей земной суши, или что-то около того), лично я абсолютно не знала.

Этот мобильный, судя по документации, мог автоматически подключаться к местной сети любого из городов, входящих в великую сотовую сеть, причем носитель его мог звонить по любому городскому номеру, а сам в то же время оставался «невидимкой» даже для фирмы-обеспечителя. То есть, если он не давал никому свой специфический код-номер, никто ему позвонить не мог. И, разумеется, никто не мог установить, откуда исходит звонок, пользуясь своим привычным и набившим оскомину определителем номера.

Кроме всего прочего, в мобильный был вмонтирован автоответчик с одной-единственной кассетой, вернее, крошечным лазерным диском, который мог записать послание от звонящего длиной не более часа. Затем диск начинал крутиться сначала, стирая все, что записал ранее, и делая запись поверх стертого.

То есть эта маленькая штучка могла служить диктофоном, если нужно было записать какой-либо важный разговор!

– Ну надо же, – удивленно и почти восхищенно пожала плечами я, – прямо сокровище какое-то.

– Еще бы, – тут же отозвался Парфимов. – Вы, главное, запомните, что дозвониться до нашей опергруппы, которая делом статуюток занимается, можно двумя способами: либо нажав на эту вот кнопку, после чего последует прямой звонок сразу ко мне в кабинет, либо, если вы будете далеко и с континентальной связью все-таки ничего не получится, просто набрав код Тарасова и мой рабочий номер, – с этими словами он протянул мне визитку, на

которой значился как искусствовед-консультант, работник Тарасовского центрального музея имени Николая Гавриловича Чернышевского.

– Ничего не скажешь, – одобрительно кивнула я. – Подход твой мне нравится.

– Только одна не очень приятная деталь, – тут же возразил Владимирович. – Возьмите вот эту коробочку и, когда никуда не звоните, держите телефон в ней. Она настроек не сбивает, потому что никаких волн не экранирует. А защиту для телефона создает внушительную. Например, она непромокаемая и устойчивая к резким сменам температур, к сильным ударам... – он посмотрел на меня несколько виновато. – Потому что даже если вы найдете статуэтку, а телефон этот не сможете вернуть, то вознаграждения не получите. Честно говоря, его вам выдают только по распоряжению губернатора...

– Я бы приобрела его за десять тысяч долларов, – улыбнулась я, вспоминая сумму обещанного вознаграждения. – Вроде вполне подходящая цена.

Парфимов сделал удивленное лицо и рассмеялся.

– Что вы! – воскликнул он, улыбаясь. – Этот приборчик стоит, наверное, как вся оргтехника нашего музея... Тысяч двести, а может быть, и того больше!.. Точно никто об этом не знает. Он ведь, кроме всего прочего, еще и секретный. А пользоваться после задания вы им не сможете: во-первых, он отключается и включается согласно командам оператора гиперсотовой сети, а во-вторых, стоит вам не вернуть телефон, а потом сделать по нему первый звонок, его засекут. И включат встроенный прерывистый импульсник, по которому определят местонахождение звонившего. Так что не советую.

Слава, кажется, не был той канцелярской крысой, за которую я приняла его в начале нашего разговора. Он, видимо, неплохо разбирался в малоизвестных серому областному населению вещах. Вспомнив его слова о «нашей группе», я подумала, что парень, по-видимому, является, кроме музейного искусствоведа, консультантом еще и у местной «Лубянки».

Ну что же, это вдвойне интересно. И черненький сверхсотовик (как там сказал Слава? «Гиперсеть...»)? Значит, гиперсотовик!), предоставленный мне на это дело, еще раз доказывал, что в связи с обедневшей китайской коллекцией творятся серьезные дела и работают серьезные люди.

Еще раз вздохнув по своей неудавшейся поездке в Северогорск, я убрала сотовик в защитную коробку, попросила Славу подождать и отправилась наливать нам обоим чай.

Раз уж дело требовало такого подхода со стороны нанимателей, я собиралась порасспросить своего личного искусствоведа-консультанта насчет пропавшей статуэтки, причем подробно.

Расположившись поудобнее, мы пили чай и доедали мои вчерашние деликатесы.

– Давайте сразу насчет аванса, – предложил Слава, как только я внесла поднос.

«Дипломат» стоял у него на коленях, я не видела, что там у него в данный момент лежит наверху, но по поднятой теме беседы легко догадывалась.

– Запросто, – ответила я. – Давайте.

– Вам как удобнее, в долларах или в рублях по курсу ММВБ?

– А у вас и так, и так есть? – улыбнулась я.

– Да, – он кивнул, – так что можно часть так, часть эдак.

– Это будет разумнее всего. Давайте двести в рублях, триста в баксах. И бумажки не больше двадцатки, пожалуйста. А то разменивать не всегда удобно.

– Ясно, – кивнул он, перебирая свои, то есть уже мои бумажки и выкладывая на стол сначала триста баксов в купюрах от пятерки до двадцатки, а затем, посчитав на калькуляторе для уверенности, еще российские сотенные, пятисотенные и несколько более мелких.

– Четыре тысячи семьсот пятьдесят рублей, – сказал он. – И триста долларов. В счет аванса, – и подал ручку вместе с заполненным бланком. – Распишитесь, пожалуйста.

Пробежавшись глазами по бланку, я кивнула и расписалась под суммой, а затем убрала в ящик стола с мыслью попозже тщательно разложить деньги по нескольким карманам и трем кошелькам, спрятанным в одежде, каждый из которых при приблизительном осмотре не обнаруживался.

– Теперь поговорим поподробнее о деле, – покончив с этим, решительно начала я. – Расскажите, Слава, при каких условиях произошло похищение? Был ли взломан выставочный зал и, самое главное, почему очистили только один, как вы сказали, термостенд? Остальные, думаю, тоже стоят недешево. Это может быть делом рук исполнителей заказа какого-нибудь нечистого на руку коллекционера, которому понадобилась конкретно Чэн? И, кстати, почему именно она такая ценная? Что, в стенде находилась, кроме нее, только всякая мелочь?

– К сожалению, я точно могу ответить вам только на первый и третий вопросы. Что же до второго... Статуэтка богини Чэн – самая ценная в коллекции, это очевидный факт. Когда китайцы нашли в болотах провинции Чихуань древний, еще добуддийский храм, практически все оттуда было вынесено грабителями разных эпох. Но статуэтка богини Чэн продолжала стоять на своем постаменте, и ни время, ни грабители, ни обвалившийся потолок не тронули ее.

Остальные составляющие термостенда являлись скорее элементами оформления самой статуэтки: это были уцелевшие остатки изразцов на постаменте, несколько сосудов у ее ног, в том числе и жертвенная чаша, бронзовый кинжал с отделкой и несколько других украшений, которые сами по себе стоят очень и очень немало, но с ценой статуэтки несравнимы. Она, кстати, ценится еще и потому, что сделана из неизвестного современной металлургии сплава, золото еще с чем-то, и этот сплав обладает какими-то свойствами... Я сейчас точно не помню... Да еще и история была о каких-то чудесных исцелениях и прозрениях в первые несколько дней работы экспедиции в храме...

– Мы говорили о мотивах возможных преступников, – напомнила я.

– Ах да... – спохватился снова увлекшийся своим любимым делом искусствовед. – Мотивы... Если уж говорить о мотивах грабителей, то ничего точно утверждать нельзя. Однако тут, вполне возможно, замешаны даже религиозные побуждения: Таня, ведь это очень странно, чтобы ценная вещь простояла столько веков и даже тысячелетий, и никто из грабителей ее не тронул! Значит, они почитали ее, хотя остальные сокровища храма вынесли подчистую. Китайцы довольно серьезно к таким вещам относятся. И вот что интересно: недавно одна буддистская группа еще там, в Китае, пыталась выкупить у музея, которому принадлежит коллекция, это изображение Чэн, и еще несколько, которые там были и которые хранятся в других термостендах. И, кажется, они предупреждали китайцев, что везти статуэтку в Россию опасно, но не объяснили почему. Ну, разумеется, музей им ничего не продал, тем более что заплатить-то они много не могли.

– Но та, вторая статуэтка похищена не была? – спросила я.

– Нет, взяли только Чэн.

– Хорошо, опишите пока обстоятельства инцидента. – Я откинулась на спинку кресла, устроившись поудобнее и приготовившись слушать, отчетливо понимая, что либо коллекционер попался довольно-таки разборчивый и конкретный, либо это вообще никакого отношения не имело к проблемам частного собирательства.

Ну что ж, навряд ли похитители задались благородной целью сдать статуэтку в Третьяковку, а потому ее надо искать, причем срочно, пока из этого не раздули грандиозный скандал.

Между тем Парфимов начинал отвечать на мой вопрос:

– Мы готовили выставку около двух недель, это уже после того, как договор был окончательно подписан и дата выставки объявлена, а зал очищен и все расходные материалы подвезены. Позавчера как раз были завершены работы по оформлению зала с мелкими скульпп-

турными композициями, распакованы все термостенды с тем, чтобы завтра начать третью уже инвентаризацию коллекции и распределение каждого стенда под совместным руководством нашего профессора Емельянова и Су Вань Чена из китайской группы.

Неудивительно, что всем казалось, будто пришла пора отдохнуть и попраздновать: вроде бы основные трудности уже позади, и теперь можно устроить банкет. – Владимирович слегка вздохнул, выражая свое запоздалое отношение к происшедшему. – В общем, собрались погулять... слегка... то есть совсем неплохо. Дирекция расщедрилась, и нам выделили музейный буфет на всю ночь; профессора и все более или менее высокопоставленные из тех, кто участвовал в банкете, после официальной части отделились и закрылись у себя в приемном зале. А техники, сторожа, художники, оформители, стилисты, переводчики, экскурсоводы и консультанты, то есть основная масса – почти пятьдесят человек, – остались в буфете, где устроили себе неплохую дискотеку.

Праздник был неофициальный, многие парни привели с собой своих подружек, женщины – кавалеров. Андрей Вишковский, один из наших оформителей, тоже явился со своей... Где-то часа через три после начала дискотеки, уже в два часа ночи, он начал хвататься, что может на ощупь определить любую из выставленных статуэток богини Чэн.

– Знаток! – не удержалась я, разглядывая параллельно с рассказом фотографии всех представленных на выставке статуэток и убеждаясь, что перепутать их смог бы только безрукий.

– Ну, всем эта идея очень понравилась, кто-то даже предложил поспорить на шампанское, причем со стола шефов. Завязали Андрею глаза и всей гурьбой отправились в зал.

– А как же сторожа? – удивилась я, уже понимая в принципе, что и как там произошло.

– Так они все с нами шли, – довольно глупо ответил Парфимов, разводя руками. – И за всем этим наблюдали!.. Дина, так звали Андрееву подругу, была в толпе. Удивительно, как эти пьяные олухи ничего не разбили, но дальше были и танцы со статуэтками, и кто-то чуть даже не стал играть ими в волейбол...

– А вы? – спросила я, почти не удивляясь такой халатности: Россия-матушка давным-давно приучила меня к подобным историям, коих я слышала великое множество.

– А я был с шефами, – довольно мрачно объяснил Слава. – Я же в этом проекте за ответственного секретаря...

– Ну хорошо, а что дальше? – кивнула я, поощряя его к рассказу. В самом деле, только у нас могла произойти такая идиотская история. Пьяные работники музея играют статуэтками трехтысячелетней давности... Едва сдержалась, чтобы не рассмеяться: на Славу было жалко смотреть – он по-прежнему переживал, рассказывая мне все это.

– С утра, – продолжал он, – когда Андрей и все остальные наши «работнички» проспались, статуэтки Чэн уже не было. Лида, подруга нашего электрика, вспомнила, что посреди веселья с определением статуэток, когда все хватали и передвигали их, Дина вышла из зала и больше не вернулась. При ней не было крупной сумочки, только косметичка, но похищенную статуэтку можно было спрятать в рукав.

– Ага. Замечательно. – Тут уж я взялась за свой рабочий блокнотик и приготовилась записывать все, что может показаться ценным. – Так вы подозреваете эту Дину?

– Это напрашивается само собой, – пожал плечами Парфимов. – Андрей с утра помчался к ней домой, но никто не открыл, хотя он практически выбил дверь. Наконец появилась разъяренная квартирная хозяйка, которая объяснила, что дамочка снялась отсюда вчера вечером и полностью с ней расплатилась. Так что Дина пропала. Не появилась она и вчера, и сегодня. Все остальные люди, бывшие на вечеринке, уже по нескольким каналам проверены.

– Ясно, – кивнула я. – Опишите, как она выглядела. А лучше дайте фотографию.

– Она умная, – вздохнул Парфимов. – Очевидно, к делу готовилась заранее, потому и познакомилась с Андреем – аккурат за две недели до прибытия выставочных термостендов... Не фотографировалась ни разу. Однако художники уже составили фоторобот, – он вынул лист с изображением Дины и положил его передо мной.

Ну что ж, подумала я, рассматривая портрет: довольно крупные черты лица, скуластая, высокая, с отменной фигурой, блондинка, брови выщипаны и довольно жирно подведены карандашом, одевается ярко, вызывающе, можно даже сказать, безвкусно. Очень ярко накрашена. Родинка на щеке. Прямо-таки вызывающая родинка... Наверняка фальшивка.

– Андрей говорит, что она любит пользоваться вместо духов лавандовой водой, – как-то не к месту вставил Слава, с надеждой на меня поглядывая.

– Ты не думай, что я по портрету определю, где она скрывается, – отсоветовала я. – А то небось наслушался рассказов про Ведьму?

Он слегка покраснел, кивнул и ответил:

– Да нет, я и не думаю...

– Адрес квартирной хозяйки. – Я внушительно покачала блокнотом и ручкой.

– Вольская, дом сорок два, квартира восемьдесят шесть, телефона нет.

– Значит, так, Славик, – потянувшись и откладывая блокнот в сторону, сказала я. – Сейчас примерно полдвенадцатого дня. Ровно к шести вечера я закончу со своими делами и буду дома. К этому времени у меня на столе должны лежать три бумаги: краткий отчет по статуетке, в котором будет совмещено все, что тебе про нее известно, вплоть до того, кто и когда пытался ее у китайцев купить; вернее, именно на такие вещи и нужно обращать внимание прежде всего. Второе – письменный отчет твоего Андрея о Дине: как познакомился, какие были отношения, что о себе говорила, как себя вела, какие отличительные черты...

– А насколько подробно? – поинтересовался Слава, несколько удивленно на меня прищурившись.

– Если курит, когда занимается любовью, об этом тоже писать, – ответила я.

Парфимов неуверенно пожевал губами, будто желая что-то сказать, но никак не находя что. Видно, не ожидал такой быстроты и напористости. Ничего, он меня еще в деле не видел. Если повезет, посмотрит... Хотя нет, не так: если повезет, после просмотра в живых останется. И безо всяких нервных нарушений и отклонений.

– А третья бумага? – наконец спросил он.

– А третья – та самая, про которую я говорила. Отментовка. Против разных приставал для суперагентов only. Тебе, дорогой Парфимов, все понятно?

– Вроде бы все, уважаемая Татьяна Иванова, – не растерявшись, ответил он, вставая. – Только вот с последней бумагой... К шести-то они могут не успеть...

– Но ты постарайся? – медовым голосом спросила я.

– Постараюсь, конечно, – заверил мой искусствоведный консультант. – Даже очень постараюсь... Мне ведь, если вы статуетку найдете, тоже премию дадут.

– Ну и отлично! Тогда давай прощаться до шести вечера. – Я улыбнулась и встала, мой новый суперклиент тоже поднялся с дивана и направился к выходу.

Закрыв за ним дверь, я серьезно задумалась. Дело выглядело странновато. На первый взгляд в нем сквозила одна только «дырка»: как Дина умудрилась вынести с собой целый стенд? Конечно, статуетку можно спрятать в одежде, и кинжал, и пару изразцов тоже, но чтобы пятнадцать-двадцать средних размеров вещей!.. Впрочем, тут же подумала я, если она тщательно готовилась к операции, значит, и оделась соответственно. С избытком потайных карманов и всяких там пиджаков с двойным дном.

Итак, речь шла о похищении статуетки с ее непосредственным обрамлением. То есть похищение остальных деталей стенда говорило о том, что похитительница готовилась унести с собой ИМЕННО ЭТУ статуетку Чэн. Однако похитить в суматохе именно ее из почти

десятка разнообразных изображений богини было делом достаточно сложным, особенно если учесть, что в суматохе кражи происходят по принципу «что подвернется, то и бери».

Наша же воровка, наоборот, действовала тщательно, подготовленно и целенаправленно. Она сначала разобралась с дополнительными компонентами, а затем взяла статуэтку и с ней просто вышла к ожидающей машине – своей собственной или сообщника.

Так что, все гениально и просто. Лишь несколько маленьких «но». Во-первых, чтобы провести все-таки такую операцию, как унос одной из ценнейших деталей коллекции прямо на глазах у добрых пяти десятков человек, и чтобы при этом никто вовремя пропажи не заметил, нужно обладать несколькими талантами, например, умением быть независимым и незаметным, не попадаться на глаза.

Конечно, «обманывать» кондукторов в троллейбусах, притворяясь, что ты едешь остановок пять и уже давно заплатил, было детским фокусом, однако здесь, скорее всего, было проделано нечто подобное. Главное – наглость и уверенный вид.

Шварценеггер в каком-то фильме пробрался с черного хода на арабскую базу, где шел торжественный банкет, подошел внаглую к поварам и наорал на них, заостря внимание на том, что они сыплют в суп мало перца.

Воровка устроила конкурс с определением, ради которого в общий зал были принесены все девять статуэток богини Чэн, и, спокойно взяв интересующую, отправилась восвояси, притом НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ ЭТОГО. Никто не увидел ее и не остановил. Кроме девушки-электрика Лены, которая смотрела ей в спину...

Надо принять во внимание, что у дамы-похитительницы могут быть и другие таланты, выходящие за рамки повседневных человеческих способностей.

Я черкнула насчет этого у себя в блокнотике.

Теперь стоило подумать о мотивах.

Если преступление было организовано с целью получения только ЭТОЙ Чэн, значит, есть конкретный заказчик, который заказывал музыку, платил... то есть заплатит за нее.

И дама украдала только ее, не претендуя на остальные статуэтки, хотя, думаю, наверняка могла бы унести не одну, а, например, две. Хотя бы в руках.

И даже какой-нибудь богатый и прекрасно знающий, что ему конкретно нужно, коллекционер, скорее всего, купил бы у нее и эту, и любую другую статуэтку из коллекции, потому что вся она была необычайно ценной. Или же она продала бы все остальное кому-либо помимо основного нанимателя. Однако дама предпочла не рисковать и взяла лишь одно из девяти изображений.

Это свидетельствовало о двух вещах: о Дининой осторожности и о том, что плата за эту статуэтку будет действительно достаточно высока.

Вот, в общем-то, и все...

Я задумалась и продолжала размышлять еще несколько минут, однако ничего интересного в голову не приходило.

То есть я не обладала пока достаточным количеством информации, чтобы делать скоропостижные выводы. Однако то, о чем я уже успела подумать, характеризовало ситуацию сразу с нескольких сторон: у меня появлялся ориентировочный мотив ограбления со стороны похитителя, то есть Дины, и примерное понимание того, по какой методике было совершено это блестящее похищение.

Однако тут могли присутствовать еще и личные мотивы: например, разнообразные убеждения... Религия? Ох, не люблю связываться со всякими сектами и обществами! Но вопрос, почему похитили именно это изображение Чэн, оставался пока открытым, и упускать версии было нельзя. Тем более некоторые мелочи склоняли именно к подобному объяснению.

Например, почему именно это изображение Чэн не так давно пробовали выкупить у музея буддисты? Почему статуэтка простояла в храме сотни лет и никто не присвоил ее, несмотря на явно золотую внешность? Нет, Ведьма, что-то тут определенно не так! Только вот что?..

Ну какой тут еще может быть мотив?

В голову ничего не приходило, и я решила, что, возможно, сумею что-то понять, обследовав квартиру Дины. Мало ли на какие мысли это натолкнет – а то, вполне быть может, она всего лишь решила сменить любовника, а заодно и квартиру, – и сейчас сидит на новой хате с новым хахалем, который пьет и выставляется поменьше, а тратит на нее побольше и никакого отношения к похищению не имеет, – очень уж она похожа по описанию на определенный тип женщин... если только эта внешность не столь же подставная, сколь и тщательно прорисованная художником-портретистом выпуклая родинка. Тогда все обвинения моего клиента отпадут, и надо будет искать другие лазейки.

Может, это все руководство выставки подстроило, чтобы отнять у нехороших китайцев их несправедно заработанную статую, раз уж не получается заставить их по-коммунистически делиться.

Только бы в этом не был замешан губернатор, улыбнулась я, вспомнив, с чего началось дело Батырова. Смешно ведь подумать: с незаконного контроля за выращиванием гречки и пшеницы!..

Однако брось, Ведьма, эти глупые мысли и начинай активно работать. Иными словами, помчали-ка на Вольскую!..

Я поймала такси, безо всяких проблем домчавшее меня до угла Чапаевской и Вольской, заплатила положенное и, хлопнув дверцей своей очередной, может, тысяча сто первой кареты, отправилась на поиски жилища Дины.

Пришлось пройти, скользя на замерзших до состояния хороших катков лужах, квартала примерно два. За это время начали кружиться в воздухе первые белые мухи, предвещающие зиму.

Дина, собираясь на это трудное дело (если это, конечно, была именно она), выбрала себе довольно уютное местечко. Чистенький дворик, совсем непохожий на большинство тарасовских помоек, зажатых между угрюмыми многоэтажками. На входе в подъезд на меня налетел какой-то мальчишка с игрушечным пневматическим пистолетом, я едва успела отскочить в сторону, чтобы не быть расстрелянной в упор. Нет, все же кое в чем все наши дворы похожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.